

М. Горький

А.А. Блок

Оригинал здесь -- http://dugward.ru/library/gorkiy_blok.html

...Иногда мне кажется, что русская мысль больна страхом перед самою же собой; стремясь быть внеразумной, она не любит разума, боится его.

Хитрейший змий В.В. Розанов горестно вздыхает в "Уединенном":

"О мои грустные опыты! И зачем я захотел все знать? Теперь уже я не умру спокойно, как надеялся".

У Л. Толстого в "Дневнике юности" 51 г. 4. V. сурово сказано:

"Сознание - величайшее моральное зло, которое только может постичь человека".

Так же говорит Достоевский:

"...слишком сознавать - это болезнь, настоящая, полная болезнь... много сознания и даже всякое сознание - болезнь. Я стою на этом".

Реалист А.Ф. Писемский кричал в письме к Мельникову-Печерскому:

"Черт бы побрал привычку мыслить, эту чесотку души!"

Л. Андреев говорил:

"В разуме есть что-то от шпиона, от провокатора".

И - догадывался:

"Весьма вероятно, что разум - замаскированная, старая ведьма, - совесть".

Можно набрать у русских писателей несколько десятков таких афоризмов - все они резко свидетельствуют о недоверии к силе разума. Это крайне характерно для людей страны, жизнь которой построена наименее разумно.

Любопытно, что и П.Ф. Николаев, автор книги "Активный прогресс", человек, казалось бы, чуждый этой линии мысли, писал мне в 906 году:

"Знание увеличивает требования, требования возбуждают неудовлетворенность, неудовлетворенный человек - несчастен, вот почему он и социально ценен и симпатичен лично".

Совершенно непонятная и какая-то буддийская мысль.

Впрочем, и Монтень печально вздыхал:

"К чему вооружаемся мы тщетным знанием? О, сколь сладостно и мягко изголовье для избранных - незнание и простота сердца".

Он объяснял долголетие дикарей их незнанием наук и религии, не зная, что все это - в зародыше - есть у них. Эпикурец Монтень жил в эпоху религиозных войн. Он был весело мудр и находил, что каннибализм дикарей ни так отвратителен, как пытки инквизиции.

Через триста лет Лев Толстой сказал о нем:

"Монтень - пошл".

Лев Толстой мыслил церковно и по форме и по содержанию. Не думаю, что догматизм был приятен ему, и едва ли процесс мысли давал Толстому то наслаждение, которое, несомненно, испытывали такие философы, как, например, Шопенгауэр, любясь развитием своей мысли. На мой взгляд - для Льва Николаевича мышление было проклятой обязанностью, и мне кажется, что он всегда помнил слова Тертуллиана, - слова, которыми выражено отчаяние фанатика, уязвленного сомнением:

"Мысль есть зло".

Не лежат ли - для догматиков - истоки страха пред мыслью и ненависти к ней - в Библии, VI, 1 - 4?

"Азazel же научил людей делать мечи и ножи... научил их разным искусствам... объяснил течение звезд и луны. И настало великое безбожие и разврат на земле, и скривились пути человеческие"...

Все это припомнилось мне после вчерашней, неожиданной беседы с А. Блоком. Я вышел вместе с ним из "Всемирной литературы", он спросил меня: что я думаю по поводу его "Крушения гуманизма"?

Несколько дней тому назад он читал на эту тему нечто вроде доклада, маленькую статью. Статья показалась мне неясной, но полной трагических предчувствий. Блок, читая, напоминал ребенка сказки, заблудившегося в лесу: он чувствует приближение чудовищ из тьмы и лепечет встречу им какие-то заклинания, ожидая, что это испугает их. Когда он перелистывал рукопись, пальцы его дрожали. Я не понял: печалит его факт падения гуманизма или радуется? В прозе он не так гибок и талантлив, как в